

DE PABLO

OBRA
POÉTICA

ROKHA

ДЕ

ПАБЛО

РОКА

СТИХОТВОРЕНИЯ

EL PULSO DEL MUNDO

ПУЛЬС МИРА —

ES MI PULSO

ЭТО МОЙ ПУЛЬС

УДК 821.134.2 (7/8)
ББК 84(70)-5

ИЗДАНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА
ПО ПЕЧАТИ И МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ

OBRA EDITADA EN EL MARCO DEL PROGRAMA ILAN DE APOYO
A LA TRADUCCIÓN, DE LA DIRECCIÓN DE ASUNTOS CULTURALES
DEL MINISTERIO DE RELACIONES EXTERIORES DE CHILE

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ПОДДЕРЖКИ ПЕРЕВОДОВ ILAN
УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЧИЛИ

Координатор издания: **Екатерина Хованович**

Редакторы: **Максим Тютюнников** и **Юрий Фридштейн**

Дизайн: **Петр Бем**

Р66 Пабло де Рока = Pablo de Rokha. Пульс мира —
это мой пульс: Стихотворения = El pulso del mundo
es mi pulso: Obra poética [на испанском и русском языках].
— М.: Центр книги Рудомино, 2019. — 240 с.

ISBN 978-5-91922-074-9

«Я изваял мифологию мира в метафорах», — утверждал чилийский поэт Пабло де Рока. Его призванием было не описывать, а создавать миры. Один из столпов латиноамериканского авангарда, он был надолго забыт соотечественниками. Поэт двадцатого века (1894–1969), он воскрес в двадцать первом. Слова, которые Пабло де Рока писал много лет назад, в наше время становятся текстами рок-композиций, а сам он, давно почивший, — кумиром чилийской молодежи. Этот сборник — его первая книга на русском языке. Хочется верить, что и в России он найдет горячих почитателей.

© Fundación de Rokha, 2019

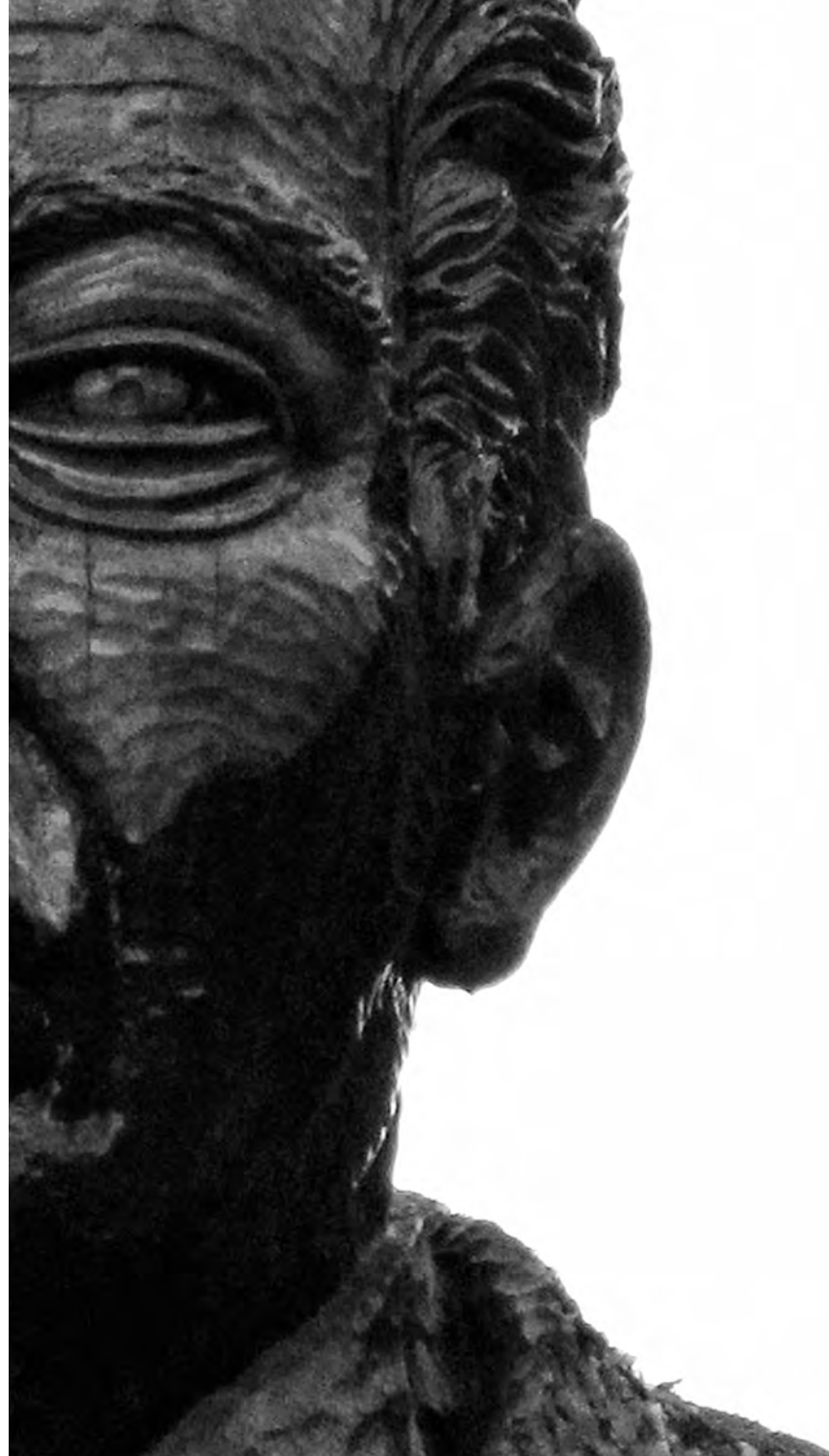
© Е. Хованович, предисловие, перевод, 2019

© Н. Ванханен, М. Киеня-Мякинен, переводы, 2019

© В. Резниченко (наследники), перевод, 2019

© ООО «Центр книги Рудомино», издание на испанском
и русском языках, оформление, 2019

© ООО «Лингвистика», 2019

“CRIADO Y NACIDO” EN LICANTÉN

La publicación de la selección de poemas del célebre escritor chileno Pablo de Rokha que se presenta a continuación, refleja el interés común de la Embajada de Chile en la Federación de Rusia, de la Dirección de Asuntos Culturales del Ministerio de Relaciones Exteriores de Chile y de la Biblioteca de Literatura Extranjera y Centro del Libro Rudominó, por difundir entre los lectores de habla rusa, el trabajo de una de las figuras de mayor renombre en la literatura chilena.

Este proyecto se suma a una larga lista de destacados autores nacionales cuya obra ha sido llevada al idioma ruso, entre los cuales se encuentra Pablo Neruda, Gonzalo Rojas, Vicente Huidobro, Nicanor Parra, Manuel Rojas y recientemente Gabriela Mistral. Es así como se ha construido una tradición de cooperación que ha abierto la puerta a la literatura chilena al público rusoparlante contemporáneo y se ha conseguido fortalecer los lazos culturales que unen a nuestros países.

A más de medio siglo de su partida, este libro permitirá al lector adentrarse en lo más profundo de una voz única, como fue la de Pablo de Rokha, cuyo rupturismo estuvo enraizado en lo más profundo de la cultura chilena. El llamado “*Amigo Piedra*” y ganador del Premio Nacional de Literatura en 1965, sigue despertando atracción en una nueva generación de escritores y lectores que han mantenido vivo su legado a través del tiempo. Sus palabras atemporales seguirán reflejando lo más insondable de la identidad chilena:

NO SOY MEDITERRÁNEO, SOY COSTINO, LICANTENINO,
“CRIADO Y NACIDO” EN LICANTÉN, A LAS RIBERAS DEL ILOCA,
EN LA HEREDAD FAMILIAR PATRIARCAL, HOY POR HOY MORDIDA
DE GRANUJAS “TINTERILLENOS” (“OCEANÍA DE VALPARAÍSO”).

Rodrigo Nieto Maturana,

Embajador de la República de Chile en
la Federación de Rusia

«РОЖДЕН И ВСКОРМЛЕН» В ЛИКАНТЕНЕ

Предлагаемый вашему вниманию сборник стихотворений знаменитого чилийского поэта Пабло де Роки отражает обшую для Посольства Чили в Российской Федерации, Управления по делам культуры Министерства иностранных дел Чили, Библиотеки иностранной литературы и издательства «Центр книги Рудомино» заинтересованность в том, чтобы представить русскоязычному читателю творчество одного из мощнейших художников в истории чилийской литературы.

Этот проект впишет новую строку в длинный список выдающихся чилийских авторов, чьи произведения были опубликованы на русском языке. Среди них Пабло Неруда, Гонсало Рохас, Висенте Уидобро, Никанор Парра, Мануэль Рохас и недавно переизданные стихи Габриэлы Мистраль. Стало уже доброй традицией наше сотрудничество, открывающее современным русскоязычным читателям двери в чилийскую литературу и тем способствующее укреплению дружбы между двумя нашими странами.

Эта книга даст возможность, более чем через полвека после ухода поэта из жизни, погрузиться в его мир и услышать его уникальный голос. Корни новаторского и революционного духа его поэзии лежат глубоко в истории нашего народа. Пабло де Рока, прозванный «Друг-Камень», ставший в 1965 году лауреатом Национальной литературной премии, продолжает вызывать живой интерес у нового поколения читателей, а также литераторов, благодаря стараниям которых его наследие по-прежнему живо и будет жить, сколько бы лет ни прошло. Его слова во все времена останутся выражением самых потаенных глубин нашего национального духа:

Я НЕ СЫН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ДОЛИНЫ, Я ЖИТЕЛЬ БЕРЕГОВОЙ, «РОЖДЕННЫЙ И ВСКОРМЛЕННЫЙ» В ЛИКАНТЕНЕ, НА БЕРЕГУ БЛИЗ ИЛОКИ, В ПАТРИАРХАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЯХ, НЫНЧЕ ИЗГРЫЗЕННЫХ ПРОХОДИМЦАМИ-КРЮЧКОТВОРЦАМИ («ОКЕАНИЯ ВАЛЬПАРАИСО»).

Родриго Nieto Матурана,

Посол Республики Чили в Российской Федерации

“EL ERA UN POETA SOLAR Y UN FORAJIDO...”

“Antología de Pablo de Rokha” es sin duda alguna una de las traducciones más complejas y vastas que se hayan realizado hasta hoy de la poesía de Pablo de Rokha. El hombre tras el mito era Carlos Díaz Loyola, nacido en el corazón de Chile en la provincia del Maule, específicamente en la zona de Licantén. Lugar mágico y desconocido para nosotros que vivimos en la época de la interconexión y la globalización constante, poseedor de un mundo interior basto y una fuerza espiritual arrolladora. Uno de sus grandes amigos el escritor Carlos Droguett lo describía del siguiente modo

“El era un poeta solar y un forajido, no, no lo podían perdonar, primero le tenían miedo, después le tenían odio y le vaticinaban dolencias y cuarentenas, se aislaron, lo aislaron. Los más audaces o los mejor guarecidos por el sastre, el notario o el boticario, lo insultaron, le enviaron anónimos, trataron de reírse de él, de su modo de andar rural y empastado, pero el poeta no se quedaba callado, en el campo se cría buena voz, se alimenta uno de terrores y soledades, de grandes espacios, él había sido arriero y testigo y cómplice de contrabandistas, de bandidos, de verdaderos hombres, manejaba el látigo, el puñal, el revólver, los puños, los dientes, todo eso lo esgrimía en su poesía. No, no se quedaba callado, no se quedaría callado aunque lo enmudecieran, contestaba con ímpetu fenomenal, con osadía, con saña y demoledora obscenidad si era necesario, y siempre era necesario” (Publicado en Cuadernos Hispanoamericanos, N°313, Julio de 1976)

De Rokha, es sin duda lo señalado y más, recorría Chile de cabo a cabo, conociendo en profundidad a su pueblo, sus costumbres, sus oficios, comió, compartió y aprendió de ellos, entroncando su destino con el de los obreros de Chile y el mundo. Amó a su familia, a su gente conoció y comprendió que la verdadera riqueza de este pueblo no recae en sus bienes materiales, sino en la fraternidad de la mesa, la belleza de sus paisajes y sobre todo en la comunión de los sueños.

«ОН БЫЛ ПОЭТОМ СОЛНЦА И СТОЯЛ ВНЕ ЗАКОНА...»

Настоящая антология Пабло де Роки, без сомнения, является наиболее полным собранием самых сложных его текстов, когда-либо переведившихся на иностранный язык. Реальный человек, стоявший за мифом, известным под именем Пабло де Рока, звался Карлосом Диасом Лойолой. Он родился в самом сердце Чили, в провинции Мауле, в окрестностях Ликантена, места волшебного и совершенно неведомого нам, живущим в эпоху всеобщей глобализации. Человек, о котором идет речь, обладал богатым внутренним миром и сокрушительной духовной силой. Один из его друзей, Карлос Дрогетт, так описал его:

«Он был поэтом солнца и стоял вне закона, нет, его не могли простить, во-первых, его боялись, во-вторых, ненавидели и предрекали ему болезни и лишения, отгораживались от него, бойкотировали его. Самые отважные или более других ощущавшие себя защищенными, благодаря своему портному, нотариусу или аптекарю, оскорбляли его, слали ему анонимные письма, пытались насмехаться над ним, над его неуклюжей деревенской походкой, но поэт не молчал: в глуши, в сельской местности формируется могучий голос, там впитывают ужас и одиночество, проникаются огромными просторами. Он был погонщиком вьючного скота, встречался с контрабандистами и, случалось, бывал их сообщником, помогал бандитам, имел дело с настоящими мужчинами, умел обращаться с кнутом, владел кинжалом, револьвером, мог пустить в ход кулаки, зубы, все это он использовал в своей поэзии. Нет, он не отмалчивался, он не умолк бы, даже если бы ему заткнули рот, он отвечал крайне резко, дерзко, яростно, а если требовалось, убийственно непристойно, а требовалось это всегда». («Cuadernos hispanoamericanos», N° 313, июль 1976 года).

Без сомнения, де Рока был таким, и, возможно, это еще не исчерпывающее описание, он объездил Чили из конца в конец, глубоко познал свой народ, его традиции, его

En su obra poética es reflejo de sus vivencias y anhelos, y de dolor que atravesaban sus compatriotas “y como el dolor nacional es mío, el dolor popular me horada la palabra, / desgarrándome, / como si todos los niños hambrientos de Chile fueran mis parientes” (Canto del Macho Anciano) Este es el gesto rokhiano, el intento por dar y ser voz de los explotados es la génesis de su poesía. Él hizo de su poesía su militancia y dispuso sus armas al servicio del pueblo, de las multitudes y la clase obrera. Él se define así mismo en su poemario Los Gemidos “...soy un país hecho poeta, por la gracia de Dios”. La presente selección es sin duda una síntesis de este intento. En ella se busca dar categoría y régimen al legado poético de Pablo de Rokha y junto con ello creemos dar voz al pueblo chileno, y sobre todo al hombre de a pie y a su lenguaje.

El gesto rokhiano de dar y ser la voz del pueblo tiene su primera expresión clara en Sátira (1918) y de una presurosa culmina con Vocabulario Rokhiano (Antología Rokhiana, 1969). En Sátira De Rokha señala:

“Pero el lenguaje humano aun permanece intacto! /
-Hacer arte en las letras nos es más que hacer lenguaje, /
Expresarse tal como se expresan los humanos, / es decir,
los que saben pensar, no los macacos, / las ratas, los
cazurros, los curas, las comadres; / Hacer arte es hacer
lenguaje, amados míos, / lenguaje extraño, trunco, espantoso,
deforme, / dinámico, flexible y claro como un río / para
aquellos que tienen la luz puesta en sí mismos, / la realidad
de un cerro y el talento de un hombre...”

Y es en Vocabulario Rokhiano donde el vate conceptualiza el habla popular — a la manera de un diccionario —, en él, el español de Chile alcanza la claridad y la flexibilidad conceptual que ansiaba y buscaba en Sátira. Entre ambos libros existe una diferencia de 51 años, la búsqueda por alcanzar “el lenguaje humano” engendró algunos de los libros más bellos y controversiales de la literatura chilena, ellos son: Los Gemidos (1922), Morfología del Espanto (1942), Fuego Negro (1953) Genio del Pueblo (1960), Acero de Invierno (1961), Estilo de Masas (1965) y por supuesto,

занятия, он ел с простыми людьми за одним столом, делился последним, учился у них и навсегда связал свою судьбу с судьбой рабочих Чили и всего мира. Он любил свою семью, близких, он узнал и понял, что истинное богатство народа — не в материальных благах, а в братстве, в совместном застолье, в красоте пейзажей, и особенно — в единстве стремлений.

В поэтическом наследии де Роки отразился его опыт, равно как и боль, переживаемая его соотечественниками: «боль страны — моя боль, народная боль буравит мне слово, раздирая меня на части, / словно все голодные дети Чили — мои дети» («Песнь престарелого мачо»). В этом истинное лицо де Роки, попытка одарить голосом, стать голосом всех эксплуатируемых, в этом бытие его поэзии. Он сделал из поэзии орудие для битвы и поставил его на службу народу, массам, рабочему классу. Сам он в сборнике «Стоны» так говорит о себе: «...я страна, обратившаяся в поэта милостью Божьей». Настоящий сборник несомненно является ярким выражением этого стремления. В нем мы пытались как можно полнее представить поэтическое наследие Пабло де Роки и тем самым дать слово чилийскому народу, позволить простому чилийцу выразить свои мысли собственным языком.

Стремление де Роки стать голосом народа впервые нашло свое выражение в «Сатире» (1918) и наиболее полное воплощение — в «Словаре де Роки» («Рокианская антология», 1969). В «Сатире» де Рока отмечает:

«Но язык людской, роскошный и пряный, / так никто и не тронул, притом, что искусство / суть слова, в которые постоянно / те, кто мыслит — не крысы, не обезьяны, / не попы — облакают думы и чувства. / Да, искусство есть сотворение речи, / речи рубленой, как обрывки споров, / гибкой, как ручей, ясной, точно свечи, / речи тех, кто талантлив по-человечьи, / в ком есть свет и кто реален, как горы...»

Именно в «Словаре» идеи поэта о народном языке обрели законченную форму. Тут он находит ту понятную гибкость и ясность чилийского варианта испанского языка, которую искал и жаждал обрести в «Сатире». Между этими двумя книгами лежит промежуток в 51 год. Поиски

Vocabulario Rokhiano (1969), en él se aprecia la culminación de una búsqueda personal y poética por desentrañar el lenguaje propio del hombre de a pie. En él, De Rokha define nuestra alimentación, nuestras bebidas, el divertimento y las actividades laborales propias del Chile periférico, de un país de vastas contradicciones políticas, sociales y económicas. Raúl Zurita, señala en un prólogo a *Epopeya de las Comidas y Bebidas de Chile* “Nadie en nuestra lengua había mostrado como Pablo de Rokha un idioma más programáticamente enraizado en las hablas populares, como nadie tampoco develó como él la profunda musicalidad, la sinfonía casi abstracta de una lengua en particular, la lengua chilena” (*Epopeya de las Comidas y Bebidas de Chile*, 2011, P. 9)

De Rokha, es sin duda uno de los vates más controversiales de Chile. Para algunos es el mejor poeta que ha dado nuestra patria, para otros un poeta menor. Esta disonancia de criterios agiganta la figura de uno de los poetas más silenciados e importantes del siglo XX en habla hispana. Su voz resuena nuevamente y más fuerte que nunca, la presente antología es prueba de ello. En ella hemos buscado abarcar la gran pluralidad existente entre su vida y su poesía. Pues en él vida y obra se entremezclan de una manera indisoluble.

Para la confección se tomó como base las dos antologías realizadas por el poeta en vida, estas son: *Antología 1916–1953* (1954) y *Antología Rokhiana* (1969) publicada póstumamente con el nombre de *Mis Grandes Poemas*. Asimismo, se debe señalar y justificar la ausencia de *Escritura de Raimundo Contreras* (1929), *Jesucristo* (1933) y *Epopeya de las Comidas y Bebidas de Chile* (*Arenga sobre el arte*, 1949) Nos hacemos responsables de su ausencia lamentablemente su exclusión se debe a los siguientes motivos: La necesidad previa de realizar un estudio lingüístico en el caso de *Escritura de Raimundo Contreras* y *Epopeya de las Comidas y Bebidas de Chile* dado que ambas obras se encuentran enraizadas en el habla popular del campesinado chileno. Mientras que, *Jesucristo* su exclusión refiere al profundo sentido y simbolismo de la totalidad del poema. A ello se debe agregar

«человечьего языка» породили за это время целый ряд прекрасных и неизменно вызывающих споры книг, обогативших чилийскую литературу, это «Стоны» (1922), «Морфология страха» (1942), «Черный огонь» (1953), «Гений народа» (1960), «Зимняя сталь» (1961), «Стиль масс» (1965), и, конечно же, «Словарь де Роки» (1969), в котором поиски языка обычного чилийца воплотились наиболее полно. В нем де Рока дает определение словам, обозначающим наши национальные блюда, наши напитки, развлечения и виды трудовой деятельности, типичные для чилийской глубинки, типичные для страны, полной политических, общественных, экономических противоречий. Рауль Сурита¹ в предисловии к «Эпопее блюд и напитков Чили» отмечает: «Никто до Пабло де Роки не сумел так убедительно продемонстрировать, что наш язык берет свое начало в народной речи, и никто другой не показал нам его глубинную музыкальность, почти поэтическую гармонию конкретного языка — языка чилийцев».

Де Рока, без сомнения, один из тех чилийских поэтов, чье творчество вызывает наибольшие разногласия. Для одних он — лучший поэт, рожденный нашей родиной, для других — поэт второстепенный. Этот разноречивый придает особый масштаб фигуре одного из самых замалчиваемых и значительных испаноязычных поэтов XX века. Его голос вновь звучит, причем, громче, чем когда-либо, настоящая антология — тому доказательство. В ней мы пытались охватить как можно шире его жизнь и его поэзию. Ведь в нем жизнь и поэзия неразрывны.

Основой для настоящего сборника стали две антологии, составленные поэтом: «*Антология. 1916–1953*» (1954) и «*Рокианская антология*», вышедшая посмертно под названием «*Мои великие стихотворения*» (1969). Стоит подчеркнуть, что не случайно тут отсутствуют такие значительные произведения, как «*Писание от Раймундо Контрераса*» (1929), «*Иисус Христос*» (1933) и «*Эпопея блюд и напитков Чили*» (1949). То, что мы не включили их в состав сборника,

1 Чилийский поэт.

la extensión. Su ausencia es significativa y esperamos en una próxima ocasión ofrecer alguna edición crítica.

Como Fundación de Rokha agradecemos a Book Center Rudomino por su interés en la obra de Pablo de Rokha, a Cristóbal Apará Tercer Secretario y Cónsul de la Embajada de Chile en Rusia por su dedicación y apoyo constante en esta edición, a la Dirección de Asuntos Culturales (DIRAC) organismo dependiente del Ministerio de Relaciones Exteriores por su apoyo.

Matías Sotomayor Jaimen
Gestor Cultural
Fundación de Rokha

объясняется следующими соображениями. Прежде чем переводить «Раймундо Контрераса» и «Эпопею блюд и напитков Чили», следовало бы провести глубокий лингвистический анализ этих произведений, потому что в них поэт пользуется элементами речи чилийских крестьян. Что касается «Иисуса Христа», то мы не решились включить эту поэму в сборник из-за ее насыщенности символами.

От имени Фонда де Роки мы благодарим «Центр книги Рудомино» за его интерес к творчеству Пабло де Роки, также приносим благодарность Кристобалью Апара, третьему секретарю и консулу Посольства Чили в России за его настойчивую и самоотверженную поддержку настоящего издания, благодарим Управление по делам культуры (DIRAC) Министерства иностранных дел за его поддержку.

Матиас Сотомайор Хаймен
руководитель отдела культуры
Фонда де Роки

(Перевод Екатерины Хованович)

ПУЛЬС МИРА И БАШМАКИ БЕЗУМНОГО ПЕРВОПРОХОДЦА

Чилийский поэт Пабло де Рока, автор более 30 книг, русскому читателю практически неизвестен. До сего дня в переводе на русский язык были опубликованы всего три стихотворения¹, и, похоже, они уже прочно забыты. Так что знакомство надо начинать с самого начала.

17 октября 1894 года в поселке Ликантен, в семье Диас-Лойола родился первенец, которому при крещении дали имена Карлос Игнасио. Карлос Игнасио Диас Лойола. Отцу его, Хосе Игнасио Диасу, в то время был 21 год, а матери, Лáuре Лойоле, 14.

Отец был таможенником (по некоторым сведениям — из разорившейся аристократической семьи), ему пришлось много ездить по провинции, маленького Карлоса он брал с собой, пока тот в 1901 году не поступил в школу в городе Талька. Там он окончил начальные классы, и после перерыва в один год начал учиться в семинарии, где товарищи прозвали его Друг-Камень (*Amigo Piedra*) и откуда в 1911 году он был изгнан как еретик и атеист, что, видимо, стало большим ударом для его глубоко религиозной семьи. Наставники прознали, что юноша тайком читает (да еще и распространяет) произведения Рабле, Вольтера, а также греческих поэтов и философов. Именно в это время Карлос публикует свои первые стихи под псевдонимом Хоб (то есть Иов) Диас. Прозвище Друг-Камень тоже стало одним из его ранних псевдонимов.

Среднее образование пришлось завершать в Сантьяго, куда Карлос уехал один. Там в 1912 году он получил аттестат и поступил в университет, но скоро забросил учебу. Он то уезжал в провинцию, то возвращался в Сантьяго, ссорился с семьей, знакомился с писателями и поэтами, в том числе, с Висенте Уидобро, писал для газет, публиковал стихи

¹ См.: Поэты Чили. М.: Художественная литература, 1972.

в журнале «Хувентуд», словом, полностью окупился в жизнь столичной богемы. Так прошло два года. Карлос вернулся в Тальку, разбитый и разочарованный, уверенный, что из него ничего не вышло и не выйдет уже никогда. И тут ему дарят сборник стихов, опубликованный под псевдонимом Хуана Инес де ла Крус¹ с романтическим названием «О чем мне рассказала тишина». Карлос в пух и прах раскритиковал стихи, которые показались ему мистической дребеденью (сам он в это время увлекался Ницше и Уитменом), но, как принц Калаф, влюбился в портрет. В портрет юной поэтессы.

Он ринулся в Сантьяго и разыскал девушку. На самом деле звали ее Луиса Анабалон Сандерсон, она училась в лицее и была дочерью полковника. Который, понятное дело, не пришел в восторг от лохматого юнца без определенных занятий, желающего незамедлительно жениться на его дочери. Полковник сопротивлялся до последнего, но все же 25 октября 1916 года молодые поженились. И долго после этого не могли помириться с родителями с обеих сторон.

Они прожили вместе долгую жизнь, взяли одну фамилию в качестве псевдонима: он — Пабло де Рока, она — Винетт де Рока² (будто брат и сестра), посвящали друг другу стихи, Пабло в поздних произведениях называл ее любимейшей из женщин, божественным, странствующим греко-латинским цветком, оставившим по себе «голос последующих поколений». И правда, детей в семье поэтов было девять, из них двое умерли во младенчестве, другие выросли, стали поэтами, художниками, появились внуки. В 1917 году Пабло начинает печататься, но на поэзию, как известно, не проживешь. Он служил посредником при продаже недвижимости,

¹ Начинающая поэтесса взяла в качестве псевдонима имя знаменитой мексиканской монахини-писательницы Хуаны Инес де ла Крус (1651–1695).

² Поэзия Винетт, как и поэзия Пабло, была на многие годы несправедливо забыта, а между тем Винетт де Рока (1894–1951) — отнюдь не только жена и муза Пабло де Роки, а самостоятельный крупный поэт, заслуживающий отдельного внимания. Ее поэзией восхищался Висенте Уидобро. Не так давно в Мадриде вышел сборник ее стихов под названием «Фотография в темноте» (*Fotografía en oscuro*, 2008).

торговал фруктами, управлял имением. Приходилось нелегко, и он писал:

«Человеку надо держаться», — говорю я, так говорю я скелету, когда он, ворча, отстаёт и плетётся сзади, за что от меня получает пинка по ребрам».

(«Я женатый мужчина»).

После того, как пара стихотворных подборок появилась в разных антологиях, Пабло де Рока начал издавать себя сам. В 1922 году он выпустил сборник «Стонь», из тиража которого была продана примерно дюжина экземпляров. Книгу холодно приняли коллеги и критики, на которых де Рока страшно разозлился, порвал с ними всякие отношения и отправился в скитания по стране, пытаясь заработать на жизнь и на прокорм семьи. В Консепсьоне он основал журнал «Динамо», в котором в частности публиковал фрагменты из будущих книг. В 1926 году выходит сборник под странным названием «У», на следующий год — сборник эссе «Безрадостный героизм» и «Сатана» (стихотворение? поэма?). Произведения Пабло де Роки с каждым годом становятся все длиннее, и трудно сказать, стихотворения это или поэмы, тем более что на испанском языке и то, и другое называется одинаково, роета. Сам де Рока со временем дал им особое название: народные эпopeи.

Наиболее значительное произведение этого периода — «Писание от Раймундо Контрераса». Тираж «Писания» отпечатали в 1929, но продавать его начали только в 1944. Вот так все было непросто.

В тридцатые годы стихи де Роки становятся все более политизированными, при этом начинает он с эпopeи об Иисусе Христе, в котором видит политика, героя и великого вождя еврейского народа, а потом вступает в коммунистическую партию, выдвигается от нее депутатом в Конгресс. В 1936 году Пабло де Рока пишет «Оду памяти Максима Горького», активно сотрудничает с Народным Фронтом, кандидат от которого, Педро Агирре Серда, в 1938 году стал президентом страны. Однако с компартией у поэта не сложи-

лось. Он стал критиковать видных коммунистов, обвиняя их в буржуазности. Особенно доставалось от него Пабло Неруде, которого он считал не только буржуазным перерожденцем, но и плагиатором. Обвинения во многом несправедливые, хотя Неруда действительно питал слабость к красивым вещам и к вещам вообще, тогда как де Рока предпочитал стихи, однако, когда ситуация потребовала, Неруда ушел в подполье, жил среди рабочих, среди пастухов, переезжал из города в город, из села в село... В 1940 году коммунисты рассмотрели персональное дело Пабло де Роки и решили исключить его из партии, но он продолжает ощущать себя коммунистом, в большей степени коммунистом, чем те, кто в ее рядах остался.

Широкие народные массы продолжают оставаться одним из главных персонажей его стихов. Причем он называет их «широкими и высокими народными массами», утверждает, что именно через его стихи прежде безгласный народ обретает голос.

С 1939 по 1963 год с перерывами де Рока издает журнал «Мультитуд», в котором публикуются литературоведческие исследования, статьи об эстетике, экономике и морали, эссе, посвященные проблемам общества. Под маркой «Мультитуд» издаются и книги. Так в 1943 году вышла антология «Сорок один молодой поэт Чили. 1910–1942», а в 1954 — собственная антология Пабло де Роки, которая так и называлась — «Антология. 1916–1953». Тему войны поэт не мог обойти стороной. В частности, в 1944 году он издает «Песнь о Красной армии». Но главным произведением тех лет, безусловно, является сборник «Морфология испуга», вышедший в 1942 году. Эпopeя «Дьявол на коне» из этого сборника вошла в нашу книгу.

Сменивший Агирре Серду на посту президента Хуан Антонио Риос в 1944 году назначает Пабло де Року культурным посланником Чили, и поэт вместе с супругой отправляется в путешествие по 19 странам Американского континента, где проводит беседы, читает лекции, встречается с писателями, организует поэтические вечера. Там он знакомится с выдающимися деятелями культуры, в частности,

с Давидом Сикейросом, Хуаном Маринельо, Мигелем Отеро Сильвой. В Аргентине Пабло де Року застаёт известие о том, что новый президент Чили, Габриэль Гонсалес Видела начал кампанию репрессий против коммунистов. Пришлось остаться за границей дольше, чем предполагалось.

В 1949 году Пабло и Винетт вернулись в Чили. Винетт уже была больна раком, от которого в 1951 умерла («утекла обратно в обезумевшую матерью» — как писал Пабло). Для него ее болезнь и смерть стали страшным ударом, от которого он так и не оправился. Однако, пока она еще жива, он пишет «Великую Хартию континента» и «Эпопею блюд и напитков Чили», продолжает обличать социальную несправедливость и приходит в восторг от революции в Китае. В 1953 году выходит в свет книга «Черный огонь» — гигантская любовная элегия, посвященная памяти Винетт.

Овдовев, поэт все больше погружается во мрак и одиночество, пишет стихи, полные отчаяния и безысходности, при этом продолжает враждовать с Пабло Нерудой¹, компартией и литературными критиками. Мысли о смерти не оставляют его:

«Смерть рычит, мотает окровавленной головой
и пинает нас, усмехаясь,
а я один, до жути один, в самом сердце толпы, которую
я люблю и которую воспеваю, один на один с похоронными мыслями, словно в отрочестве, один, один
среди непробиваемых стен перепуганных насмерть провинций,
один и пусто внутри, один и неведомый никому, один и далекий,
один и чужой, один и дрожащий,

¹ Более разных поэтов трудно себе представить: мрачный гений де Рока и жизнелюбивый Неруда, готовый воспевать каждый камень на своем пути, наслаждаться солнцем, вином, любовью. К тому же, внешне судьба Неруды складывалась более чем благополучно: он умудрялся получать награды и от чилийского, и от советского правительства, был некоторое время сенатором, его активно издавали, книги его широко расходились, ему не надо было кормить большую семью. То, что единственная дочь Неруды умерла совсем маленькой, как бы осталось за скобками. Ну и вообще, непримиримо враждовать — добрая традиция чилийских поэтов.

осознающий тот факт, что кану навеки во тьму, не сумев
обессмертить любимую омытой слезами глиной,
и нелепый, как лев морской в пресноводной лагуне».

(«Песнь престарелого мачо»)

В этот период выходят книги «Язык мира» (1958), «Гений народа» (1960), где страдания личные переплетаются со страданиями и борьбой народов континента. Тогда же он вновь нападает на Пабло Неруду, которого выводит среди 111 персонажей «Гения народа» под именем Касиано Басуальто.

В этот тяжелый период Пабло де Рока ездит из города в город, сам продавая свои книги. В 1961 году он издает сборник «Зимняя сталь», в который входит «Песнь престарелого мачо» — итоговое произведение, подводящее черту под всей его жизнью.

Душевная боль, не оставляющая Пабло де Року со дня смерти Винетт, еще обостряется после самоубийства в 1962 году его сына Карлоса, талантливого поэта нового поколения. Однако де Рока продолжает писать, ибо это для него — единственная опора и единственно возможный образ жизни. Не зря он заявлял еще в молодости:

«Я пою, пою неизменно, непреднамеренно, неизбежно и неизлечимо, как жизнь на душу положит, пою, как едят, как пьют, как ходят, пою, потому что пою — и все тут; я бы умер, если б не пел, умер бы, если б не пел...» (*«Баллада Пабло де Роки»*).

Только песни теперь выходят мрачные.

По приглашению Мао Цзе Дуна в 1964 году он едет в Китай, потом посещает СССР и Францию, в 1965 издает книгу «Стиль масс», в которую, в частности, входит «Океания Вальпараисо». В том же году Пабло де Роке присуждают Национальную литературную премию. По его ощущениям, она запоздала: вот когда Винетт была жива, когда был жив сын Карлос, премия обрадовала бы его несказанно, а теперь — какой смысл? «Они вручили мне ее, потому что решили, что я уже стар, и больше досаждают им не буду».

В том же году поселок Ликантен, тот, где поэт родился, удостоил его титула почетного гражданина. В 1967 году выходит последняя прижизненная книга Пабло де Роки — «Череда миров: Франция» (*Mundo a mundo: Francia*). Задумана она как часть трилогии. Вторая и третья части предполагалось посвятить СССР и Китаю, но трилогия не была дописана. 10 сентября 1968 года в возрасте 73 лет Пабло де Рока, предварительно подготовив к печати свою прощальную антологию, вышедшую посмертно под названием «Мои великие стихотворения» (*Mis grandes poemas*, Santiago, 1969)¹, застрелился, как за несколько лет до этого его сын Карлос и как в том же году его друг Хоакин Эдвардс Бельо.

После смерти признанного, казалось бы, поэта на многие годы постигло забвение. Произведения его практически не переиздавались, имя почти нигде не упоминалось. Отчасти причиной была его давнишняя вражда с Пабло Нерудой (а самые влиятельные издательства и книготорговля в то время принадлежали людям, близким к компартии, да к тому же, Неруда вскоре стал лауреатом Нобелевской премии (1971 г.), национальной гордостью), однако дело не только в этом. Судя по всему, сложные, новаторские стихи Пабло де Роки опередили время и не нашли в те годы своего читателя. Не нашли они понимания и у критиков, поскольку никак не удавалось отнести де Року ни к одному из существовавших литературных течений, не получалось ни с кем объединить.

Он стал поэтом 21 века. В самом конце двадцатого его творчеством заинтересовались некоторые исследователи, в частности Наин Номес, посвятивший наследию Пабло де Роки чуть ли не всю жизнь. Стали выходить статьи, книги, писаться диссертации. Возник Фонд де Роки. Но главное — его полюбила молодежь. На стихи Пабло де Роки создаются рок-композиции, его читают, им увлекаются молодые. В последнее время его стали переводить на иностранные языки. Книги вышли

¹ Сам-то он собирался назвать ее «Рокианской антологией», но издатели распорядились иначе.

во Франции, США, Великобритании. Готовится издание в Германии.

Теперь он считается одним из столпов латиноамериканского авангарда, наряду с Нерудой, Уидобро, Гонсалесом Рохасом.

Переводить стихи де Роки чрезвычайно трудно. И не только потому, что он авангардист, не только из-за его «темного» стиля и сложного синтаксиса, но и из-за этого провала в несколько десятилетий. Ведь Пабло де Рока, политизированный поэт, борец за права широких и высоких народных масс, живо откликался на события окружающей общественной жизни, причем откликался часто замысловато и метафорически. И кто знает, кого он имеет в виду, когда в 1942 году пишет о каком-то толстяке, пускающим слюни, когда ему вешают триколор на брюхо. Или когда рассказывает о каком-то военном, предавшем «трусы в звездах». И что это за «трусы в звездах»? Видимо, чей-то флаг. И что за гончая в шляпе?

Спросить не у кого: тем, кто помнит или мог бы помнить, о чем писали газеты или о чем шли пересуды в те года, должно быть лет 100. Когда-нибудь въедливому исследователю удастся что-то раскопать на эту тему, на другие сложные темы, и тогда наши переводы могут показаться неточными, устаревшими... Однако это судьба почти любых переводов. И все же стоило приложить усилия к тому, чтобы стихи такого мощного и своеобразного автора зазвучали по-русски.

Любимым его словом было слово *tremendo*. Значит оно одновременно и «огромный», и «ужасный». Любил он и другие такие же мощные и громкие слова, так что не случайно его стиль исследователи называют тремендизмом. Какой эквивалент найти для *tremendo* в русском языке? Может быть, «чудовищный»? Кажется, это как раз одновременно и огромный, и ужасный. Но слово «чудовищный» не грохочет, как гром, а для Пабло де Роки звучание было чрезвычайно важно. Повсюду он ищет созвучия, в верлибрах — и то у него огромное количество рифм, ассонансов, он

любит нагнетающие перечисления очень похоже звучащих слов. Приходится искать при переводе баланс между звучанием и смыслом (тем, в который удалось — или не совсем удалось — проникнуть).

Несмотря на то, что в каждом стихотворении и в каждой эпоее по многу раз встречается это *tremendo*, стихи Пабло де Роки отнюдь не однообразны, не монотонны. Наоборот, они чрезвычайно богаты лексически. То и дело удивляешься, откуда он берет столько слов. Многие из них в других текстах почти не встречаются. Например, слово *gravitar*, в котором мы сразу же слышим намек на гравитацию. Так и есть. Оно означает давить своей тяжестью, наваливаться.

Пабло де Рока действительно создает свой собственный язык, собственную эстетику, но претендует на то, чтобы и всю вселенную (это слово он всегда писал с маленькой буквы) тоже создавать и пересоздавать.

«Хотя бы так: пылают красные моря без края, и каменное солнце, ну, скажем, черное, расперло астрономическое одиночество своим огромным твердым эмбрионом, а земля, пусть, например, — гигантский треугольный кристалл, другая жизнь, другое время надвинулись, растут, обозначают свое присутствие, привязаны к архитектуре, славящей свой небывалый ордер» — *«Уравнение (Гимн эстетической формуле)»*.

Он был своеобразен, и в то же время творил в потоке авангардистской живописи и литературы того времени. Как тут не вспомнить Кандинского или Пикассо? Под конец, правда, поэт признавался от своего имени и от имени поколения: «Нет уже сил писать очередные вселенные поверх старых потертых вселенных...» (*«Песнь престарелого мачо»*).

Но в той же «Песни престарелого мачо» он пишет: «Я изваял мифологию мира в метафорах...»

Образ ваятеля — одна из любимых его метафор. Он сравнивает себя со скульптором, архитектором, призванным навести новый, небывалый порядок в хаотическом мире, который *gravita*, наваливается, тяготит. Среди его метафор — масса загадочных, о происхождении которых можно долго размышлять или пытаться найти где-то в глубинах национального сознания их истоки. Почему индеец мапуче назван

скромной корицей? Можно подумать, что индеец скромен — и корица скромна: она же всего лишь приправа. А оказывается, что коричное дерево — символ народа мапуче. Что такое сумасшедший башмак — *zapato loco*? Если не жить в Чили, трудно догадаться, что это вполне стертая метафора, расхожее выражение, означающее «идуший, не разбирая дороги». Наше твердое убеждение в том, что, если собираешься переводить, надо докопаться до самых глубин смысла, разбиваясь о реальные условия и о понимание того, что, докапываясь, можно так никогда и не остановиться. Да, воистину работа переводчика бесконечна. В этом двуязычном издании все наши огрехи окажутся на виду, мы можем показаться вполне себе сбрендившими башмаками. Но не стоит забывать, что это башмаки первопроходца.

Необходимое уточнение. В нашей книге под оригиналом каждого стихотворения указана дата первой публикации — журнальной, либо в одном из авторских сборников Пабло де Роки. Открывающий антологию сонет «Горбат до могилы» был впервые опубликован в коллективном сборнике молодых чилийских поэтов «Selva lírica», 1917.

Екатерина Хованович

**GENIO
ГОРБАТ
У FIGURA
ДО МОГИЛЫ**

Yo soy como el fracaso total del mundo, ¡oh Pueblos!
El canto frente a frente al mismo Satanás,
dialoga con la ciencia tremenda de los muertos,
y mi dolor chorrea de sangre la ciudad.

Aun mis días son restos de enormes muebles viejos,
anoche “Dios” lloraba entre mundos que van
así, mi niña, solos, y tú dices: “te quiero”,
cuando hablas con “tu” Pablo, sin oírme jamás.

El hombre y la mujer tienen olor a tumba;
el cuerpo se me cae sobre la tierra bruta
lo mismo que el ataúd rojo del infeliz.

Enemigo total, aúllo por los barrios,
un espanto más bárbaro, más bárbaro, más bárbaro
que el hipo de cien perros botados a morir.

1917

Я светопреставленья, о народы!
Лицом к лицу с Создателем Греха,
меж трупами, влачу стихов колоды,
измылив жилы, кровь и потроха.

Я слышу всхлип Творца людской породы.
Один — громоздкой мебели труха —
с твоим «люблю» перемогаю годы,
но ты, моя любимая, глуха!

Самец и самка пахнут сладким тленом.
Я — гроб, обитый красным, и коленом
низвергнутый в разверстые болота.

Я — боль и ужас, стынущий кругом,
бездомных псов, забытых сапогом,
кровавая предсмертная икота.

Перевод **Натальи Ванханен**

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА К «ОКЕАНИИ ВАЛЬПАРАИСО»

Труд переводчика сродни хлопотам перевозчика-лодочника, того самого, что подрядился переправить на противоположный берег волка, козу и капусту, да так, чтобы все остались целы и невредимы. Форма, образный ряд и смысл произведения — все это переводчик должен передать с минимальными потерями, воссоздавая текст оригинала на другом языке. Особенно смысл — его нужно донести до читателя без искажений, весь, до крупницы.

Но как быть, если оригинал герметичен и смысл его неясен или ясен не вполне? Герметичных произведений в литературе немало, путь к их пониманию затруднен, а то и вовсе закрыт по разным причинам. Вот, например, пишет автор о реалиях и людях, знакомых только ему да узкому кругу посвященных, и бродит в лабиринтах своей памяти, в которых человек несведущий постоит в растерянности да и заторопится к выходу. Взять, скажем, «Поэму без героя» Анны Ахматовой — поэтесса возмущалась ее нелепыми толкованиями, но наотрез отказывалась сделать текст более понятным или написать к нему комментарии.

А бывает и так: автор, обладающий высоким уровнем эрудиции, вольготно чувствует себя в дебрях, «в которые может забираться, не рискуя свернуть себе шею, лишь очень образованный человек». Но обычному читателю, не обремененному чрезмерными знаниями, произведения эрудита покажутся непроходимой заумью, он не поймет сложных метафор, не оценит гипербол, не разглядит скрытых цитат и аллюзий. Культураниста Гонгору критики не жаловали именно по этой причине, бранили за темный стиль.

Поиски собственного пути, ниспровержение канонов, стремление к новаторству и созданию новых форм также не способствуют прозрачности текста. Примеров тому не счесть в литературе авангарда.

Люди-то ждут привычных ямбов, понятных образов и доходчивых мыслей, а поэт им: «Нате!»

Но как бы то ни было, герметичность произведения это всегда выбор и воля автора. Хочет он создать «вещь в себе» — что ж, его право. Ленивого читателя непонятность отпугнет, а любознательного побудит искать, докапываться.

«Океания Вальпараисо» — поэма сложная, многоуровневая. Пабло де Рока создал эту оду крупнейшему порту Чили в 1965 году, на излете своей многотрудной жизни. Описания улиц, холмов и фуникулеров города, его окрестностей, его обитателей дышат любовью и состраданием. Однако полностью открыт для нас только внешний, протестный слой произведения, а к остальным «этажам» пробраться куда труднее.

У Вальпараисо была насыщенная история, город переживал бурные события и все время менялся, так что многое из того, о чем пишет поэт, хранилось лишь в его памяти, а теперь хранится в муниципальных архивах. Де Рока не снисходит до объяснений (как не снисходила до них и Анна Ахматова), он просто выкладывает перед читателем россыпь фактов, сведений, имен, реалий — и разбирайтесь в ней, как хотите, Google вам в помощь.

Помнится, в книге «Мы искали и нашли себя» Алехо Карпентьер советовал латиноамериканским писателям идти по пути образности, чтобы их произведения были понятны в переводе без сносок и комментариев: «Покажите мне предмет так, чтобы ваши слова позволили мне представить его, пощупать, ощутить его тяжесть»¹. Де Рока не делает и этого — он не описывает, он просто называет: copihue, cholga, ojota, chicha, huaso... И воображение иноязычного читателя не включается, он не видит, не ощущает. Sapienti-то, конечно, sat, но всем прочим остается только разводиться руками.

¹ Алехо Карпентьер. Мы искали и нашли себя. М.: «Прогресс», 1984. С. 56.

Кроме того, Пабло де Рока был человеком чрезвычайно образованным, прекрасно знал и испанскую, и латиноамериканскую литературу и в творчестве своим этими знаниями охотно пользовался. Вот, например, в одной строфе два слова: «antaño» и «hogaño» — «прежде» и «нынче». Тут явный намек на финал «Дон Кихота», где Рыцарь Печального Образа говорит: «En los nidos de antaño no hay rajaros hogaño» — «Новым птицам на старые гнезда не садиться». А что это за «трансцендентные вошки Сервантеса»? Возможно, ответ кроется в XIX главе романа... И почему чилийские напевы у де Роки полны «бескрайней желтой скорби»? Желтый цвет часто встречается в стихах и в прозе Густаво Адольфо Беккера и неизменно ассоциируется со смертью. Но сколько всего в тексте «Океании» скрытых цитат и аллюзий, откуда они, зачем? Кто знает! Расшифровать весь цитатный слой поэмы пока еще никому не удалось, а без этого многое в ней так и останется загадкой.

Нет, не жалел Пабло де Рока читателя, не снисходил до его уровня знания (или незнания). Не писал доступных, приятных и легких для понимания произведений. А иначе и быть не могло, ведь у великого чилийца имелась своя концепция поэзии, он сформулировал ее еще в молодости — раз и навсегда. В 1927 году вышел сборник его эссе под названием «Безрадостный героизм» («Heroísmo sin alegría»). В нем Друг-Камень называет свою поэму «Стоны» поэмой, пребывающей в процессе ужасающей деконструкции. Понятие деконструкции впоследствии разовьет французский философ и лингвист Жак Деррида, но это произойдет сорок лет спустя. Тогда же, «где-то там, в двадцать седьмом», идея была абсолютным новаторством, достоянием Пабло де Роки.

С деструкцией деконструкцию путать не следует, ибо она подразумевает не только разрушение, но и созидание. Как если бы художник, решив переписать картину, начал соскребать старую краску, но одновременно принялся класть на холст и свежие

мазки. Деконструкция — намеренная хаотичность незавершенности, спонтанность, многослойность, сочетание несочетаемого. Так вот откуда у де Роки эти непролазные строфы, лабиринты придаточных, километровые предложения, в которых сиротливое подлежащее напрасно дожидается сказуемого. Вот откуда эти неожиданные эпитеты, вольное обращение с глагольным управлением, внезапные обрывы и переходы. Да, тяжелый текст — а легкого «безрадостный героизм» и не обещал.

Впрочем, у любой реки, даже у самой потаенной и труднодоступной, есть истоки. Для Пабло де Роки таким истоком была поэзия Уолта Уитмена, которым чилийский поэт увлекался с юности. Присутствие Уитмена в «Океании Вальпараисо» очевидно. Взять хотя бы тематику: в книге «Листья травы» мы найдем немало восторженных строк, посвященных Манхэттену, историческому ядру Нью-Йорка, ведь американский бунтарь был влюблен в свой город на берегу океана: «Город ярких стремительных вод! Город шпилей и мачт! Город, гнездящийся в бухтах! Мой город!» («Манхатта», перевод Г. Кружкова). Оба поэта воспринимают город-порт как гигантский перекресток, где пересекаются все пути человечества.

Если же говорить о стиле и форме, то и здесь немало общего: аллитерации, ассонансы, длинные перечисления, которые Корней Чуковский в эссе «Мой Уитмен» назвал каталогами. Да и особенные «вдавленные» строки — тоже черта, наследованная де Рокой у его американского кумира.

Разумеется, короткое послесловие — не самый подходящий формат для сравнительного анализа творчества этих сложных и самобытных поэтов. Но когда имеешь дело с таким неординарным, ошеломительным произведением как «Океания Вальпараисо», очень важно найти хоть какую-то точку опоры.

Однако же остается вопрос: а переводчику-то как быть? Дозволено ли ему из страха перед праведным гневом публики или из сострадания к ней

«разгерметизировать» текст, разбить бесконечные предложения, вложить свой смысл в наиболее темные фрагменты — иначе говоря, превратить дикую сельву в уютный парк? Нет, нет и нет. Ибо герметичность, как мы уже говорили, это выбор и воля автора, и не нам вскрывать то, что он запечатал. Но чуть-чуть приоткрыть все-таки нужно: ввести пояснительные слова и эпитеты к названиям чилийских реалий, чтобы русскоязычному читателю хотя бы отчасти было понятно, о чем идет речь. Остальное же пусть так и останется «под розой». В конце концов, прозрачность — не самое очевидное подтверждение качества произведения, а тем, кто страшится непонятного, лучше отложить эту книгу и перечитать детективы несравненной Агаты Кристи, ведь Эркюль Пуаро и мисс Марпл всегда готовы доходчиво объяснить, что, где и когда.

Марина Киеня-Мякинен

СОДЕРЖАНИЕ

“Criado y nacido” en Licantén Rodrigo Nieto Maturana / «Рожден и вскормлен» в Ликантене Родриго Нието Матурана	6
“El era un poeta solar y un forajido...” Matías Sotomayor Jaimen / «Он был поэтом солнца и стоял вне закона...» Матиас Сотомайор Хаймен	8
Путь мира и башмаки безумного первопроходца Екатерина Хованович	16
Genio y figura / Горбат до могилы Перевод Натальи Ванханен	26
Epitafio en la tumba de Juan el Carpintero / Эпитафия на могиле Хуана-плотника Перевод Екатерины Хованович	30
Balada de Pablo de Rokha / Баллада Пабло де Роки Перевод Екатерины Хованович	34
Autorretrato de adolescencia / Автопортрет в отрочестве Перевод Владимира Резниченко	42
Círculo / Круговорот Перевод Натальи Ванханен	46
Soy el hombre casado / Я женатый мужчина Перевод Екатерины Хованович	54
Ecuación (Canto a la formula estética) / Уравнение (Гимн эстетической формуле) Перевод Екатерины Хованович	62
Los inquilinos / Горемыки Перевод Натальи Ванханен	72
Alegato contra la tiniebla / Обвинительная речь против мрака Перевод Владимира Резниченко	78
Demonio a caballo / Дьявол на коне Перевод Екатерины Хованович	84
Canto del macho anciano / Песнь престарелого мачо Перевод Екатерины Хованович	118
Oceania de Valparaíso / Океания Вальпараисо Перевод Марины Киеня-Мякинен	174
Послесловие переводчика к «Океании Вальпараисо» Марина Киеня-Мякинен	234

DE PABLO
ROKNA
OBRA
POÉTICA
ДЕ
ПАБЛО
РОКА

СТИХОТВОРЕНИЯ

EL PULSO DEL MUNDO

ПУЛЬС МИРА —

ES MI PULSO

ЭТО МОЙ ПУЛЬС

Художественный редактор **Т. Н. Костерина**
Оператор компьютерной верстки текста **А. Г. Иванова**
Оператор компьютерной верстки
переплета и иллюстраций **В. М. Драновский**
Технолог **М. С. Кырбаш**

ООО «Центр книги Рудомино»
Николаянская ул., д. 1, Москва, Россия, 109240
Отдел реализации издательства: (495) 915-31-00
e-mail: rudomino@libfl.ru
<http://www.facebook.com/CentreBook>

ООО «Лингвистика»
Николаянская ул., д. 4, Москва, Россия, 109240
тел. (905) 717-05-20

Технологическое сопровождение
и допечатная подготовка ООО «Бослен»
(499) 270-09-59, (495) 971-89-09
<http://www.boslen.ru>; e-mail: info@boslen.ru

Подписано в печать 01.11.2019. Формат 84×108/32.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
Гончарова ул., д. 14, г. Ульяновск, Россия, 432980